
А. П. АЛЕКСЕЕВ, И. Ю. АЛЕКСЕЕВА

БЕЗОПАСНОСТЬ ОБЩЕСТВА И ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ*

Авторы статьи рассматривают взаимосвязь ценностей образования с условиями обеспечения безопасности общества, намечая историческую ретроспективу и используя современные материалы, характеризующие глобальную и национальную научно-образовательную политику. Безопасность понимается в широком смысле как защищенность от нападений извне, от внутренних конфликтов и от опасности «неблагоразумного» управления государством вследствие недостатка знаний и мудрости. Авторы обращают внимание на то обстоятельство, что культивируемые в древнегреческих гимназиях ценности физического здоровья, развития и красоты человеческого тела были неразрывно связаны с задачами воспитания свободного гражданина, готового встать на защиту родного города. С учетом этого обстоятельства оцениваются педагогические вопросы, поднятые Платоном. Авторы вкратце характеризуют историческую эволюцию ценностного статуса знания в контексте христианского универсализма и противопоставления «града небесного» «граду земному», останавливаются на особенностях церковных школ в Древней Руси, на роли военных задач в создании петровской системы образования. Особое внимание уделено выдвинутой Василием Татищевым идее «благоразумного гражданина в благоразумном государстве». Авторы полагают, что современной аксиологии образования не следует игнорировать советский опыт образовательной политики как части коммунистического проекта. В последней части статьи представлены выводы, полученные в результате продолжавшегося в течение нескольких лет изучения авторами роли установок Всемирного банка в формировании научно-образовательной политики в России. Речь идет о неправомерности подчинения сферы образования банковским идеалам вычислимости и утверждения соответствующим образом трактуемой эффективности в ка-

---

* **Для цитирования:** Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Безопасность общества и ценности образования // Философия и общество. 2023. № 3. С. 36–50. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.02.

For citation: Alekseev A. P., Alekseeva I. Yu. The Security of Society and Educational Values // *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*. 2023. No. 3. Pp. 36–50. DOI: 10.30884/jfio/2023.03.02 (in Russian).

Философия и общество, № 3 2023 36–50

DOI: 10.30884/jfio/2023.03.02

честве главной ценности образования. Авторы считают, что вопрос интеллектуального суверенитета российского общества следует принимать во внимание при обсуждении ценностей образования и определении целей образовательной политики.

Ключевые слова: образование, воспитание, философия образования, история образования, ценности образования, патриотизм, космополитизм, коммунистический проект, глобальное образование, интеллектуальный суверенитет.

The authors of the article consider the interconnections between the values of education and the conditions for ensuring the security of society. The authors outline a historical retrospective and refer to modern materials characterizing global and national scientific and educational policies. In the paper, security is understood in a broad sense, encompassing protection from external attacks, from internal conflicts and from the danger of “unreasonable” government that lacks knowledge and wisdom. The authors draw attention to the fact that the values of physical health, developed physique and beauty of the human body, cultivated in the ancient Greek “gymnasiums”, were inseparable from the goals of educating a free citizen, ready to defend his hometown. Taking into account this circumstance, the pedagogical issues raised by Plato are evaluated. The authors briefly characterize the historical evolution of the value status of knowledge in the context of Christian universalism and the opposition of the “heavenly city” to the “earthly city”, the features of church schools in ancient Russia, and the role of military tasks in the creation of the Peter the Great’s education system. Special attention is paid to Vasily Tatishchev’s idea of a “wise citizen in a wise state”. The authors believe that the modern axiology of education should not ignore the Soviet experience of educational policy as part of the communist project. The last part of the article presents the conclusions obtained as a result of the authors’ study of the role of the World Bank’s guidelines in the formation of scientific and educational policy in Russia. The authors insist that it is inappropriate to subordinate the sphere of education to the ideals of accountability characteristic of banking sphere and to approve narrowly interpreted efficiency as the main value of education. The authors believe that the issue of intellectual sovereignty of Russian society should be taken into account when discussing the values of education and determining the goals of educational policy.

Keywords: education, upbringing, philosophy of education, history of education, values of education, patriotism, cosmopolitanism, communist project, global education, intellectual sovereignty.

Характеризуя ситуацию начала XX в. в сфере образования, историк педагогики Моисей Рубинштейн писал: «...вопрос о целях воспитания оказался почти совершенно устраненным и началось

обсуждение путей к неизвестным целям» [Рубинштейн 1922: 277]. Сегодня, сто с лишним лет спустя, мы можем с достаточной степенью уверенности утверждать, что вопросу о целях образования (и воспитания как части образования) уделяется неоправданно мало внимания. Между тем этот вопрос тесно связан с вопросом о *ценностях образования* [Брызгалина, Станченко 2021], которые не могут и прежде всего не должны быть оторваны от *ценностей общества*, где функционируют образовательные институты и осуществляется образовательная деятельность.

В нормативных документах, регулирующих работу лиц и органов в сфере образования, можно найти упоминания о целях и ценностях. Например, в федеральном государственном образовательном стандарте бакалавриата по направлению «Педагогическое образование» указаны компетенции, предполагающие способность «определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений» (УК-2), «осуществлять духовно-нравственное воспитание обучающихся на основе базовых национальных ценностей» (ОПК-4) [Федеральный ... 2018: 7, 8]. В Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» образование определяется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом» [Федеральный...]. При этом предполагается, что в ходе обучения человек овладевает знаниями и умениями, приобретает компетенции, развивает способности, а в процессе воспитания происходит развитие личности, создаются условия для самоопределения и социализации человека на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей.

Мы не можем что-либо возразить всерьез по поводу вышеприведенных формулировок. Нормативные документы выполняют те функции, для которых предназначены, а в число этих функций не входит изложение аксиологических концепций. Однако в обществе есть запрос на выработку подобного рода концепций и на соответствующие дискуссии. К числу проблем, заслуживающих серьезного внимания, следует отнести проблему целей и ценностей образования в соотнесении с условиями безопасности общества.

Образование в древнегреческом полисе: практика и проекты

Философское осмысление ценностей образования в их взаимосвязи с ценностями общества предполагает обращение к историче-

скому опыту. Описывая жизнь древнегреческих обществ, историки отмечают характерную для городов-государств связь организованного образования с задачами защиты полиса от внешних врагов, то есть обеспечения военной безопасности общества. На первый план здесь выступает воспитательный аспект образования, подготовка гражданина-воина, дисциплинированного и стойкого, обладающего физической силой, ловкостью и выносливостью, умеющего пользоваться оружием. Именно этот вид образования стал исторически первым, осознанным и осуществлявшимся как государственное дело. Для этого вида образования строились первые учебные заведения греческого мира – гимнасии в помещениях и палестры под открытым небом. Однако только лишь физических качеств и навыков обращения с оружием было недостаточно для подготовки свободного гражданина, способного в любой момент встать на защиту родного полиса. Физическое и военное воспитание сочеталось с культивированием патриотизма, в чем немалую роль играло чтение поэтических произведений, повествующих о сражениях прошлого и героизме предков, о роли богов в жизни людей и народов. Во всех направлениях воспитания важную роль играла эстетика. Речь идет не только об эстетических качествах поэтических произведений, не только о музыке, сопровождавшей чтение Гомера и других поэтов, не только о торжественных церемониях с пением и танцами, но и о культе телесной красоты, немислимой без гармоничного физического развития.

Ценности физического здоровья и развития, преданности родине, красоты произведений искусства и самого человеческого тела распространяли свое влияние далеко за пределы военной сферы. Тем не менее именно соображения безопасности общества, защиты его от внешних угроз сделали государственной заботой ту форму и то содержание образования, которые стремились соответствовать данным ценностям. При этом частным делом семьи оставалось обучение детей грамоте и счету; частным делом учителя и ученика была передача ремесленных и медицинских знаний; как частное дело людей, любящих мудрость, формировались прославившие эллинский мир философские школы.

Педагогические идеи философов рождались из осмысления практики образования в контексте представлений о человеке и обществе, о пороках существующих государств и под влиянием мечты о будущем. Самый известный пример из Античности – идеальное государство Платона. Мало кто из читателей диалогов этого

философа захотел бы жить в обществе, изображенном в «Государстве» и «Законах», – слишком мало свободы оставляется здесь для личности, всецело подчиненной задачам обеспечения устойчивости якобы совершенного общественного устройства. Главная провозглашаемая ценность Платонова государства – справедливость – обращается несправедливым отношением к индивиду с его естественными и законными стремлениями, которые безжалостно отвергаются предлагаемым укладом жизни, лишенным в своей основе какой-либо эстетической привлекательности.

Сказанное не уменьшает значимости вопросов образования, поставленных Платоном в IV в. до н. э. и воспроизводимых в той или иной форме в последующие эпохи. Это вопрос создания возможностей для развития заложенных в ребенке способностей и задатков вне зависимости от благосостояния родителей, вопрос о методах обучения, соответствующих индивидуальным и возрастным особенностям учеников, и, конечно же, вопрос о роли образования в обеспечении безопасности общества. Именно защита общества от внешних и внутренних угроз обуславливает внимание автора «Государства» к сословию «стражей», социальному корреляту яростной части души человека. Примечательно, что стражи, как утверждает Платон устами Сократа, «должны быть кроткими к своим людям и грозными для неприятеля». «В противном случае, – говорит он, – им не придется ждать, чтобы их истребил кто-нибудь другой: они сами это сделают и погубят себя» [Платон 1994: 137]. Попытка найти способы предотвращения внутренних конфликтов была в основном неудачной, однако это никоим образом не доказывает неправомочности самого вопроса о таком поиске, в том числе о предотвращении социальной розни, неизбежно возникающей, если, как выражается Платон, в одном государстве заключены два враждебных государства: одно – бедняков, другое – богачей.

«Не геометр да не войдет» – гласила надпись на воротах Платоновой академии в Афинах. В идеальном государстве обучение математике становится важнейшей частью подготовки «правителей-философов». При этом значимость математики определяется прежде всего не потребностью в решении прикладных задач (например, землеустройства), а тем, что математические занятия развивают способность видеть за явлениями сущность. Стремление к знаниям – одно из важнейших свойств философской души, а создание условий для пробуждения и удовлетворения этой потребности мыслится как часть государственной политики. Платон провозгла-

шает истину и знание ценностью общества и безусловной ценностью образования.

В философских школах эпохи эллинизма утверждается утилитарный подход к познанию и знанию – и то и другое мыслится теперь как средство достижения блаженства. В условиях, когда государства используют для ведения войн наемников, гражданин представляется не как патриот своего государства, готовый встать на его защиту, но как гражданин мира, космополит. Представители школы стоиков утверждали, что гражданином является тот, кто живет в согласии с разумом, логосом, а жить в согласии с логосом – значит быть гражданином мира [Фрагменты... 1998: 130]. «Стоический мудрец остается привязанным, преданным сообществу постольку, поскольку разум полагает это сообразным его природе, – отмечает П. Элиопулос. – <...> Персональная этика занимает самое высокое положение в аксиологической шкале Стои; мудрец должен защищать себя в первую очередь от порока и глупости» [Элиопулос 2012: 129].

Ценность знания в христианском мире. Универсализм и патриотизм

С воззрениями стоиков отчасти согласуется критика государства (прежде всего государства политеистического) христианскими авторами. Космополитические установки преломляются в *христианском универсализме*, отчетливо выраженном в словах апостола Павла: «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» [Кол. 3].

Представления о воспитании как *пути к спасению души и достижению царства Божия* первоначально предполагали необходимость лишь небольших объемов знаний, однако с течением веков эти объемы существенно расширились. Уникальным явлением западнохристианского мира стала университетская корпорация, объединяющая прибывших из разных стран людей, использующих латынь как единственный язык науки. Нередко возникали конфликты между членами университетской корпорации, с одной стороны, и местным населением – с другой. Идея *господства христианина над собственной телесной природой* со временем дополняется, а в некоторых направлениях христианства практически замещается идеей *покорения человеком окружающего природного мира*. Естественно-научное знание стали понимать как условие овладения

природой и как способ познания воплощенной в природе премудрости Бога.

В Древней Руси после принятия христианства стали учреждаться школы при церквях и монастырях. Первыми учителями были высокообразованные священники, прибывшие из Византии и Болгарии («царь... Болгарский Симеон присла иереи учены»). Князем Владимиром были устроены при церквях школы, где учились дети из разных сословий. Василий Татищев пишет: «Митрополит же Михаил советовал Владимиру устроить училища на утверждение веры и собрать дети в научение, и тако Владимир повелел брать детей знатных, средних и убогих, раздавая по церквам священников со причетники в научение книжное. ...Прежде бо неведущие закона и не слыхали словес книжных, устроены бо были многия училища» [Татищев 1773: 75–76]. В XI в. появились отдельные школы для девочек. В 1086 г. Анна Всеволодовна, внучка Ярослава Мудрого, открыла в монастыре школу для девочек, где последние обучались «писанию, ремеслам, пению и иным полезным их знанием, да от юности навикнуть разумети закон божий и трудолюбие» [Там же: 138]. Училище Анны считается первым общеобразовательным женским учебным заведением в Европе. Позже подобные школы были открыты княжнами Ефросиньей и Феодосией [Колпачева 2014: 89].

Важно отметить, что древнерусские церковные школы, где основными предметами были христианское учение, чтение, письмо, пение, не являлись духовными училищами в собственном смысле слова. В эти школы принимали всех желающих учиться «без различия состояний и будущих занятий их воспитанников», здесь не было особых программ для подготовки будущих священников [Знаменский 1801: 1]. В XVII в. в Москве была создана Славяно-греко-латинская академия, которую историки называли «чем-то вроде древнерусского университета». В учредительной грамоте царя Федора Алексеевича предписывалось изучать здесь «науки гражданские и духовные, начиная от Грамматики, Пиитики, Риторики, Диалектики, Философии разумительной, Естественной и Нравной даже до Богословия, учащей вещей Божественных, и совести очищения» [Амвросий 1807: 517]. Примечательно, что в грамоте говорилось о значении нового учреждения не только для охранения и распространения православия как первой обязанности царя, но и для «благочинного государства управления и защищения», которое невозможно без мудрости как «царских должностей роди-

тельницы и всяких благ изобретательницы и свершительницы» [Амвросий 1807: 520]. Таким образом, главной ценностью этого первого варианта высшего образования в России официально провозглашалась **мудрость, необходимая для управления государством и его защиты**.

Одним из важных итогов правления Петра Первого стало появление в России инженерных учебных заведений. Потребность в ускоренной подготовке людей, владеющих технико-технологическими знаниями и умениями, была обусловлена не в последнюю очередь задачами защиты страны от внешних врагов. Василий Ключевский, утверждая, что реформы Петра направлялись условиями времени, писал: «Война была важнейшим из этих условий. Петр почти не знал мира: весь свой век он воевал с кем-нибудь: то с сестрой, то с Турцией, Швецией, даже с Персией. С осени 1689 г., когда окончилось правление царевны Софьи, из 35 лет его царствования только один 1724-й год прошел вполне мирно, да из других лет можно набрать не более 13 месяцев. Притом с главными своими врагами, с Турцией и Швецией, Петр воевал не как его предшественники: это были войны коалиционные, союзные» [Ключевский 2018: 781]. Напомним, что расширение союза для войны с Османской империей было одной из задач знаменитого «великого посольства», отправившегося в страны Западной Европы в 1697 г. Как известно, «посольство» не решило именно эту задачу, однако сыграло важную роль в развитии отечественного образования.

Открытие навигацких и инженерных школ, артиллерийско-инженерной школы, конных школ, хирургической школы и школы переводчиков, изменения в элементарном образовании (цифирные школы) – все это ознаменовало создание новой системы образования, предназначенной для **подготовки граждан, знания и умения которых требуются для быстрого промышленного (включая военно-промышленное) и культурного развития страны**. Эта система, по замыслу Петра и его сподвижников, не должна была ограничиваться узкоприкладными знаниями, – создается Санкт-Петербургская академия, при которой открываются гимназия и университет. Члены «ученой дружины» Петра – Феофан Прокопович, Василий Татищев, Антиох Кантемир, Иван Посошков – прилагали большие усилия к созданию и распространению **идеологии образования**.

Татищев в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и образования» (написанном уже в царствование Анны Иоанновны) рисует **идеал благоразумного гражданина в благоразумном государстве**.

Благоразумные политики и «верные отечеству сыны», утверждает Татищев, не могут разделять мнение, что образование распространять не стоит, поскольку «в государстве чем народ простее, тем покорнее и правлению способнее, а от бунтов и смятений безопаснее». Напротив, изучение наук и искусств, развивая в человеке способности понимания, памяти, «острейшего смысла» и верного суждения, помогает обрести благополучие и избежать ошибок. Такой человек не станет необдуманно принимать чужие советы, преувеличивать опасности и недооценивать угрозы, он не превозносится в счастья и не впадает в уныние в несчастье, преодолевает беды и горести, «своим довольствуется, чужого не ищет». Обучение и воспитание ума, таким образом, неразрывно связаны с воспитанием характера. От благоразумных людей, утверждает Татищев, бунты не начинаются, – опасность для государства скорее представляет невежда, который прельщается неправильными советами, неверно оценивает угрозы, проявляет неумеренность в печали и в радости, вредит сам себе. Неразумным людям уподобляются государства: «И хотя сие о едином человеке говорено, но по сему можешь и о целых народах и государствах рассуждать. ... Почитай гистории древних времен, увидишь много народов и государств примеры, что от недостатка благоразумного рассуждения разорились и погибли, которых память только на бумаге осталась. <...> Да почто о других читать, довольно своего государства горести вспомнать...» [Татищев 1979: 83–84].

Образование в Российской империи не было всеобщим. До 1917 г. существовали ограничения на доступ к тем или иным видам образования для разных категорий населения, выделяемых по признакам сословной, конфессиональной, половой принадлежности. Коренные изменения произошли с наступлением советской эпохи.

Воспитание и обучение в контексте коммунистического проекта

Идеология образования советского времени выстраивалась как часть коммунистической идеологии. Система образования мыслилась как призванная *формировать человека – строителя коммунистического общества, обладающего обширными и глубокими познаниями*. Едва ли не до конца советского периода в истории нашей страны в качестве классического текста, определявшего задачи и характер образования, рассматривался текст выступления Владимира Ильича Ленина на III Всероссийском съезде Коммуни-

стического союза молодежи осенью 1920 г. Это было время, когда Гражданская война еще не закончилась, однако непосредственная угроза существованию молодой советской республики уже миновала. Ленин произнес знаменитую фразу, впоследствии украсившую стены едва ли не всех учебных заведений страны: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» [Ленин 1981: 305]. Здесь же Ленин говорил о необходимости хозяйственного возрождения страны, «восстановлении земледелия и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, на электричестве» [Там же: 307]. В течение следующих десятилетий *задачи образования и коммунистического воспитания новых поколений были неизменно связаны с задачами промышленного развития страны, невозможного без научно-технического прогресса*. С приближением Второй мировой войны все большее внимание уделялось военно-спортивной подготовке школьников и студентов.

В советской педагогике после Великой Отечественной войны коммунистическое воспитание молодежи трактуется как включающее «умственное, нравственное, эстетическое и физическое воспитание и политехническое обучение» [Медынский 1952: 9]. Один из разделов принятой в 1961 г. Программы коммунистической партии Советского Союза называется «Коммунизм – светлое будущее всего человечества». Здесь коммунизм характеризовался как бесклассовый общественный строй, как «высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердятся общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» [Программа... 1986: 125]. Для строительства такого общества система образования должна была формировать *всесторонне развитую личность, человека-творца, готового применять свои знания и способности на благо общества, патриота-интернационалиста*. Важной составляющей советского патриотизма должна была стать *гордость человека за собственную страну, идущую в авангарде мирового прогресса*.

Речь идет о ценностях и целях, которые декларировались, объявлялись официально. Далекое не всегда объявленные цели достигались. Усилия, направленные на претворение идеала в действительность, могли еще дальше отодвинуть действительность от иде-

ала. Тем не менее достижения советской системы образования являются общепризнанными.

В результате крушения советского проекта возникло общество, тип которого мы до сих пор затрудняемся определить. Произошли мгновенные по историческим меркам изменения в ценностных ориентирах, в самосознании общества, индивидов и групп. Страна, лишь несколько лет назад провозглашавшая свой общественный строй самым передовым, в начале 1990-х гг. объявляет себя отставшей в развитии, неспособной самостоятельно определить пути построения современной экономики и необходимой для этого системы образования. Следование в фарватере политики США и выполнение пожеланий лидеров западных стран стало считаться гарантией безопасности – политической, экономической, военной.

Глобальное образование и интеллектуальный суверенитет общества

В XXI в. реформы российского образования осуществлялись в соответствии с установками, сформулированными в докладе Всемирного банка «Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы» (английский текст доклада был опубликован в 2001 г., а русский перевод – в 2003 г.). *Главным ориентиром при перестройке образования было объявлено расширение участия стран в мировой экономике.* «Всемирно-банковский» подход к образованию предполагает утверждение в данной сфере идеалов «глобальной экономики», когда мобильности рабочей силы соответствует мобильность студентов и преподавателей, стандартизации товаров и услуг – равноценность дипломов (достигаемая в значительной мере за счет операций с числовыми показателями), экономической конкурентоспособности – конкурентоспособность университетов и ученых, определяемая на основе рейтингов и данных публикационной активности. *«Глобальное образование для глобальной экономики» означает оценку научно-образовательной деятельности по образцу деятельности финансово-экономической, с соответствующими инструментами контроля со стороны организации-кредитора.* Государствам – получателям кредитов была рекомендована «разработка механизмов обеспечения качества (оценка, аккредитация, национальные экзамены, рейтинги и публикация информации)...» [Формирование... 2003: XXVI].

Вот показательная цитата из статьи «Оценка результативности университетов с помощью оболочечного анализа данных» (один из авторов – Ирина Абанкина, директор Института развития образования Высшей школы экономики): «Основная идея непараметрической модели DEA [Charnes *et al.* 1978*] заключается в представлении эффективности университета (в общем случае – любой фирмы, производящей какой-либо продукт) в виде отношения его результатов (выходных параметров) к потраченным ресурсам (входным параметрам)» [Абанкина и др. 2013: 16]. Итак, **университет рассматривается как частный случай фирмы, выпускающей некоторый продукт**. Эффективность понимается как соотношение совокупных издержек и расходов на научные проекты, с одной стороны, и, с другой стороны, числа выпускников, числа обладателей ученых степеней, защитившихся в данном университете, а также рейтинга научной и публикационной активности.

Выдвигая эффективность на роль главной ценности, не стоит забывать о понимании эффективности как степени соответствия системы своему функциональному предназначению, целям, для которых она создана. Разве университет создается для того, чтобы штамповать как можно большее число выпускников в расчете на сотню преподавателей? Почему ценность научной работы определяется местом в рейтинге публикационной активности ее автора? Почему ученый должен гоняться за грантами, а не заниматься спокойно исследованиями в рамках базового финансирования? Мы подробно обсуждали эти вопросы в ранее опубликованных работах [Алексеев, Алексеева 2021], а здесь подчеркнем еще раз, что **утверждение взгляда на университет как на машину по производству показателей искажает смысл существования университета и создает неверное представление о его роли в обществе**.

Опубликованный в 2018 г. доклад Всемирного банка «Обучение для реализации образовательных перспектив» – очередное свидетельство невосприимчивости этой организации и связанных с ней экспертных групп к критике политики уничтожения сути и смысла работы преподавателя в угоду утверждению идеалов «подотчетности» и «прозрачности». Кризис в системе образования, вызванный в значительной степени политикой Всемирного банка, назван в до-

---

* Приведена ссылка на работу: Charnes A., Cooper W., Rhodes E. Measuring the Efficiency of Decision-Making Units // European Journal of Operational Research. 1978. Vol. 2(6). Pp. 429–444.

кладе «кризисом обучения». «Почти три четверти учеников третьих классов в сельских районах Индии не могли решить пример на вычитание двузначных чисел, например 46 – 17. Не могла это сделать и половина пятиклассников. ... Хотя навыки 15-летних подростков в Бразилии и улучшились, при сохранении нынешних темпов улучшения показатели их математических навыков сравняются со средними показателями для богатых стран только через 75 лет. Что же касается навыков чтения, то этот процесс займет более 260 лет» [Обучение... 2018: 3]. Приведенные данные свидетельствуют о вопиющих недостатках обучения детей в определенных странах. Здесь была бы уместной помощь со стороны структур, имеющих деньги и влияние. Очевидно, в подобных случаях следует проводить дополнительную работу с учителями, усилить внимание к способам проверки знаний ученика учителем (простейшая форма проверки – устный ответ на уроке), к условиям жизни и здоровью детей. Во всяком случае, положение дел в вышеупомянутых странах – не основание для того, чтобы изнурять отчетами российских учителей, а обучение российских детей превращать в подготовку к прохождению тестов. Однако эксперты Всемирного банка в качестве меры преодоления кризиса обучения рекомендуют разработку все новых систем «оценки качества образования» и увеличение степени открытости таких систем. Признавая, что системы показателей «обученности» «порождают много дискуссий, например, о неоправданно высоком влиянии международных оценок на местную политику» [Там же: 122], авторы упомянутого доклада продолжают настаивать на необходимости использования таких систем.

В числе реализованных в постсоветский период проектов и программ реформирования образовательного комплекса трудно найти такие, которые *рождались бы российским интеллектуальным классом, вырабатывались в ходе дискуссий в университетах, исследовательских институтах, школах*. Как правило, исключенные из процессов подготовки решений ученые, университетские преподаватели и школьные учителя винят министерских чиновников, которые на деле являются не «творцами» таких установок, а всего лишь исполнителями, имеющими, разумеется, собственные амбиции и интересы, так или иначе влияющие на конкретные формы и способы осуществления научно-образовательной политики.

В последнее десятилетие мы были свидетелями усилий государства по обретению *военно-политического суверенитета*. Совсем недавно был официально провозглашен курс на достижение

технологического суверенитета страны. Можно ли в этих условиях обойтись без переосмысления роли *университета*, важнейшие задачи которого должны определяться *не погоней за местами в международных рейтингах, а обеспечением жизнеспособности общества в целом*? В ранее опубликованных работах [Алексеев, Алексеева 2016] мы характеризовали *интеллектуальный суверенитет* современного общества как предполагающий право и реальную возможность выработки и использования знаний, необходимых для принятия и выполнения решений, обеспечивающих жизнеспособность и успешное развитие страны и народа. Интеллектуальный суверенитет никоим образом не означает изоляции. Речь идет о самостоятельном определении ценностей, приоритетов и целей, механизмов достижения этих целей, процедур согласования концептуальных конструкций с данными опыта. Обеспечение интеллектуального суверенитета имеет особое значение для общества, подвергающегося целенаправленным негативным воздействиям со стороны системы, обладающей превосходством по стандартным параметрам в важнейших сферах, включая экономическую, финансовую, промышленно-технологическую и, конечно же, глобальную информационную сферу.

Литература

Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5–14.

Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации. М. : Проспект, 2021.

Абанкина И. В., Алескеров Ф. Т., Белоусова В. Ю., Зиньковский К. В., Петрущенко В. В. Оценка результативности университетов с помощью оболочечного анализа данных // Опросы образования. 2013. № 2. С. 15–46.

Амвросий, мит. История российской иерархии. Ч. 1. М. : Синод. Тип., 1807.

Брызгалина Е. В., Станченко С. В. Воспитание как образовательный результат: ценностно ориентированный подход к оцениванию в системе общего образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Философия. 2021. Т. 25. № 4. С. 574–588. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-4-574-588.

Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань : Тип. Имп. Ун-та. 1801.

Ключевский В. О. Курс русской истории. М. : АСТ, 2018.

Колпачева О. Ю. Школа и образование Древней Руси // Историко-педагогический журнал. 2014. № 4. С. 85–94.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи. 2 октября 1920 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1981.

Медынский Е. Н. Народное образование в СССР. М. : Изд-во АПН СССР, 1952.

Обучение для реализации образовательных перспектив. Доклад о мировом развитии. Вашингтон : Всемирный банк, 2018.

Платон. Государство / Платон // Соч. в 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 79–420.

Программа коммунистической партии Советского Союза // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1986. С. 81–185.

Рубинштейн М. М. История педагогических идей в ее основных чертах. 2-е изд. Иркутск : Тип. Дома Трудящихся, 1922.

Татищев В. Н. История России с самых древнейших времен. СПб., 1773. Т. 2.

Татищев В. Н. Избр. произв. Л. : Наука, 1979.

Федеральный государственный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование. Приказ Минобрнауки РФ № 121 от 22.02.2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.ru/file/docs/2018/02/m121.pdf#page=3> (дата обращения: 15.04.2022).

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745> (дата обращения: 15.04.2022).

Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка. М. : Весь мир, 2003.

Фрагменты ранних стоиков. Т. 3. Ч. 1. Хрисипп из Сол. Этические фрагменты. Фр. 337 / пер. и коммент. А. А. Стоярова. М. : Греко-латинский кабинет М. Ю. Шичалина, 1998.

Элиопулос П. Стоический космополитизм как образ жизни // Философские науки. 2012. № 6. С. 126–132.